

ИСТИНА КАК ТЯЖБА

Статья рассматривает экзистенциально-феноменологическую концепцию истины, раскрывающую ее *как* спор, который человек ведет в своем бытии о своем бытии. Выявляя в сущности спора мотив победы или поражения, автор показывает, как спор об истине становится испытанием собственной судьбы.

Ключевые слова: истина, спор, тяжба, схватка, судьба.

Это исполненное внутренней борьбы существо истины уже две с половиной тысячи лет светит в самом тишайшем из всех огней.

М. Хайдеггер

Выражение «об истине не спорят» является старинной доксой, рожденной самим спором об истине. С тех пор как греческий философ Парменид противопоставил «истины непогрешимое сердце» «мнению смертных, в которых нет верности точной», бесспорность стала одним из критериев истины. Богиня *Алетейя* в поэме Парменида адресует свой «многоспорящий довод» не истине, а мнению [1, с. 295]. Богиня не спорит с истиной потому, что сама есть Истина. Можно было бы сказать, что она вообще не спорит о чем-либо, так как сама и есть этот спор. Но сказать так — значит понять истину как *событие* некоего противоречия, борения, распри. Однако даже в диалектическом понимании истина есть все же некий *продукт* или *элемент* борьбы, а не само борение. Помещенная по ту сторону спора, как его *результат*, она заранее осмыслена как нечто бесспорное. Но даже если истина оспаривается на новом витке диалектического противоречия, она все равно мыслится как бесспорная в *моменте*.

С этим связано и другое ходячее мнение о том, что «в споре рождается истина». Даже если принять этот далеко не бесспорный тезис за истину, то следует признать, что рождение истины, понятой в смысле результата, убивает спор. Когда говорится: «Тут не о чем спорить!» — то это означает либо конец спора, либо его прерывание, связанное с переводом полемики в другое русло. Однако тем самым поддерживается тезис о спорности мнения и бесспорности истины. Как гласит русская пословица, «с истиной спорить — только вздорить».

В основе представления о бесспорности истины лежит убеждение в том, что истина сама по себе непротиворечива и непогрешима. «Согласно распространенному учению об истине, ее противоположностью является только «не-истина» в смысле ложности» [2, с. 48]. Допустить противоречие в самой истине — значит впустить неистинное в ее сущность. Поэтому в дискуссии оспаривается лишь то, что представляется спорщикам неистинным в том или ином смысле: неочевидным, недостоверным, противоречивым, непоследовательным или просто ложным. Можно сказать, что спо-

* © Разинов Ю.А., 2011

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ром незримо управляет то понятие истины, которое, начиная с Парменида, утверждается в качестве метафизической универсалии, обладающей свойством божественной непогрешимости. Бесспорность Парменид понимает как «незыблемость», «непоколебимость» (*ἀτρέμεια*) истины. Свойством же мнения он объявляет, напротив, шаткость и обратимость, то есть принципиальную опровержимость. «Уже давно существо истины как чего-то внутренне противоречивого, борющегося в самом себе, стало чуждым нам и всему западноевропейскому мышлению» [2, с. 47].

Однако не слишком ли поспешно мы связали спор с проблемой истины? Стоит ли всерьез говорить о том, что «в споре рождается истина», если в конкретном споре она зачастую не рождается, а погибает? Более того, истина редко является настоящим предметом спора и если рождается, то как побочный, иногда случайный и ускользающий, эффект. Бывает так, что заявленный предмет спора оказывается только ширмой, за которой скрываются подлинные мотивы и цели дискуссии, а именно власть над другими, стремление к доминированию, общественному признанию, удовлетворению тщеславия, наконец. Кроме того, не слишком ли прямолинейно мы приговорили истину к тому метафизическому складу мышления, который становится господствующим в истории западной метафизики? Может быть, спором управляет вовсе не *представление об истине*, а не нечто более существенное — нечто указующее на само *бытие человека*?

Любой спор имеет *экзистенциальное* измерение, о чем говорит характерное для «настоящего» спора столкновение характеров и кипение страстей. На наш взгляд, не существует пресловутого *спора ради спора*, ибо за каждым из них всегда стоит какой-то жизненный мотив. Другое дело, что этот мотив чаще всего скрыт от спорщика, так как находится в сфере его непроявленного существования. Он является *слепым пятном* спора. В. Лехциер, бесспорно (?), прав, относя спор к числу важнейших экзистенциалов. Истина в «экзистенциальном» споре, утверждает он, «уже не соответствие действительности, а сама действительность. Истина *случается*, становится реальным обстоятельством, бытием» [3, с. 246]. Но это же относится и к так называемому «интеллектуальному» спору. Противопоставлять его спору «экзистенциальному» на том основании, что «человек не участвует в нем всей своей целостностью, всем своим существованием» [3, с. 244], — значит ослаблять исходный тезис о том, что спор *как таковой* имеет экзистенциальное измерение. История знает немало примеров того, как теоретический спор, захватывая всю экзистенцию, ставил человека на грань бытия. Дело, таким образом, не только в предмете спора, но и в *одержимости* предметом спора. Конечно, не всякий предмет способен поднять градус полемики до предельной ставки. Экзистенция не может быть в равной степени задета всем. Но то, чем она всегда задета, неизменно присутствует в любом споре — это тяжба за бытие. Даже если противники не идут в лобовую «рубку», а, сохраняя дистанцию, ведут затяжную игру, все равно вопрос стоит о тактическом преимуществе или стратегической инициативе сторон. Поэтому даже в «чисто» интеллектуальном состязании (игре) присутствует экзистенциальный мотив победы и поражения. Он и является слепым пятном спора об «истине».

Каким бы ни был спор — по «существу» или нет, в нем осуществляется проба и испытание сил, что вытекает из самого значения слова «спор». Спорить в начальном смысле этого слова — значит *переть* друг на друга, *давить*, *таранить*, давая *отпор* и одновременно осуществляя *на-пор* на соперника. Слово «со-пер-ник», кстати говоря, имеет ту же корневую основу. В. Даль, приводя значения глагола «переть», указывает на то, что «пру» (пер, пор) — «корень обширный», и к нему следует отнести такие слова, как «спор», «распря», «упрек», «поперек» [4, с. 78]. Сущностью спора, каким бы ни был его предмет, является само препирательство. *С-поря* с другими,

стремясь устроить сопернику публичную *пор*-ку, спорщик, как и спортсмен, прежде всего стремится к победе, сулящей ему славу победителя или более скрытые преференции господина. Вопрос об истине в споре оказывается вопросом о власти. Вопрос же о власти обычно исчерпывается вопросом о силе. Вне этого силового, энергичного и динамического контекста трудно объяснить мотивы спорщика, как и само *желание* спорить.

Говоря об этом желании, следует сказать, что сущность спора не вытекает из содержания, каковым является *спорное*. Ничто не спорно, как и бесспорно само по себе. Таковыми его делает само оспаривание. Желание спорить, как всякое желание, всегда больше своего предмета. В желании спорить обнаруживает себя *воля к власти*, которая волит саму себя и поэтому всюду ищет себе преграду, каковой и является *спорное*. Но, поправ эту преграду и добившись признания «бесспорности» своих притязаний, воля к власти тут же должна отбросить ее. Она должна оставить захваченную крепость со всеми ненужными ей трофеями, чтобы в намерении потеснить очередного соперника штурмовать новую. Спор ей нужен не ради пресловутой «объективной истины», а в целях испытания себя самой. Такие выражения, как «спорить тут не о чем» или «это бесспорно», поэтому не означают конца спора, а лишь являются маркерами перезагрузки, своего рода упражнениями для восстановления сил перед началом новой схватки. Спор прекращается лишь тогда, когда иссякает его энергия, но только для того, чтобы возгореться с новой силой после перегруппировки сил и подхода резервов. Можно сказать, что он вообще не прекращается, а лишь переходит в другую плоскость или фазу, подобно тому, как «горячая» война перерастает в «холодную», а конец «холодной» означает продолжение дипломатической, экономической или идеологической войны. Спор есть полемос (греч. — «война»), а на войне как на войне. Недостаток или ущербность аргументов (вооружений) или прорехи в логических построениях (боевых порядках) с лихвой компенсирует быстрая конница софистических маневров. «Всякие нелогические штучки» (В. Лехциер), а именно манера спорить, быстрота мышления, психологические уловки, такие как выведение противника из равновесия, отвлечение внимания, внушение, на которые в свое время указал С.И. Поварнин [5], являются отнюдь не средствами раскрытия истины, а способом *обмана противника*. Обман же такого рода совершается не ради истины, а во имя победы. Победа в споре, спроецированная на экран общественного признания, — вот обычный мотив словесных баталий.

Как и всякая баталия, спор осуществляется путем защиты и нападения. Нападение же, как известно, модус все той же защиты. По этой причине военные ведомства обыкновенно именуется ведомствами «обороны», а не «нападения». Защита собственных аргументов является более значимым элементом спора, нежели опровержение чужих. В этом смысле она составляет существо оспаривания. Защищают то, что рассматривают как «истинное», «ценное», «святое». В немецком языке само слово *Wahrheit* (истина) этимологически производно от *Abwehr* (защита, оборона). Также и латинский корень *ver*, входящий в основу *veritas* и *verum* (истина, правда), в качестве первоначального имел значение «закрывающего укрытия», «запирания» [2, с. 108—109]. Защита перед лицом ученого совета по сей день остается основным способом обоснования своих притязаний на истину.

Однако нуждается ли сама истина в защите? Или защищается все же что-то другое, например, свое *право* на нее? В конечном счете и немецкое *Wahrheit*, и латинское *veritas*, как и европейское понятие истины в целом, по свидетельству Хайдеггера, являются отпадением от первоначального смысла истины как нескрываемости (*ἀλήθεια*). Истина в европейском смысле — *правильное* суждение. Правильное же, овладевая истинным, устраняет истину [6, с. 186]. Над истиной словно бы довле-

ет правовая санкция, коль скоро она осмысляется в парадигме судебной тяжбы. Установление истины мыслится по образу установления правоты. Вот и в поэме Парменида путь к Истине (Ἀλήθεια) лежит через врата, охраняемые богиней правды и правосудия Дике (Δίκη). Именно от нее путешественник получает *право* на доступ к истине. Хайдеггер в своей интерпретации поэмы Парменида обходит этот сюжет, ибо заключение ἀλήθεια в «романский бастион» «правильного» и «достоверного» (verum) для него — продукт исторического развития понятия истины. При этом он совершенно не берет в расчет то, что сама проблема истины возникает вследствие ее «высвобождения» из архаической сферы обычая и права. Так или иначе, но в топологической поэме Парменида устанавливается определенная последовательность: сначала освоение мира доксы, состоящее в признании обычая и закона (σικη), и лишь затем вступление в мир истины. О той же последовательности в экзистенциальной топологии сознания говорит кантовский призыв: «*Рассуждайте, сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!*» [7, с. 34], то есть сначала повинуйтесь, а затем спорьте, но не наоборот.

Итак, богиня Алетейя ожидает путника за вратами, в то время как богиня Дике находится перед ними. Это значит, что прохождение этих врат символизирует инициацию мышления (сознания, души). Всякая инициация есть внутреннее борение, спор с самим собой, ведущийся в преддверии (*прозмии*) раскрытия истины — *алетейи*.

Если исходить из этого древнего значения истины как *несокрытости*, то защите подлежит не истина, а право. Несокрытое не является результатом защиты и не нуждается в ней, ибо расположено *до* и *перед* всяким доводом. В аргументах и доводах мы доводим состояние несокрытого до статуса *верного, правильного, законного* и *подзащитного*. Именно такой бытийный статус несокрытого оспаривается в споре. Поэтому если кто и заслуживает права именоваться «*homo polemicus*», то это борец за *права*, за *правду*. Он потому столь напорист, азартен и по обычаю глух к аргументам противника, что истина его не интересует. Его интересует правота. Когда софист Фрасимах в «Государстве» Платона (I, 338c) в полемическом запале сообщает, что правда (δικαιοσύνη) — это *выгода сильнейшего*, ведущая к приумножению власти [8, с. 93], он лишь обнажает (наивно или цинично) реальный предмет спора. Забыв о правиле «болтун — находка для шпиона», он просто-напросто «сдает» Сократу план «военной операции». Спор «ни о чем» или «о чем угодно», который ведет софист, оказывается спором о своем праве (власти и силе) выступать *мерой сущего*. Софист сражается за это право по формуле «у каждого Павла своя правда». Однако этой мерой он выступает не вообще, а лишь в стихии и моменте спора. Когда софистику характеризуют как явление субъективизма и релятивизма, обычно пропускают главное — состязательное начало софистики. В этой состязательности *истина спора сама проявляет себя*.

Она проявляет себя вопреки собственному намерению софиста оспорить или доказать нечто в качестве истинного. То, на что претендует Протагор своим тезисом о человеке как мере вещей, — это *ограниченная алетейя*. Софист являет ее своей собственной ограниченностью и ограничением. Он скользит по границе истины и сам оказывается этой границей. Пока он скользит по идеальной поверхности «супрематического спора» (В. Лехциер), истина сама хватает его за шиворот. Он боец передовой. Он место стычки. Поэтому Сократ (стратег среди софистов) постоянно держит его на «линии огня», используя его непродуманные заскоки и промахи для обнаружения границ *алетейи*.

Вместе с тем борьба за права и правду есть феномен *бытия-обиженного*. Обида — состояние обделенности и обездоленности, возникающее вследствие несправедливо-

сти, неправого суда или «кривосудия», как говорит В. Даль [4, с. 485]. Словарь М. Фасмера также соотносит слово «обида» с греческим словом ὀδίκη (неправота, неправда, несправедливость) [9, с. 100]. Обиженный стремится защитить свои права и тем самым восстановить свою ущемленную значимость. Между тем обида — оборотная сторона высокомерия, оно рождается из *закрепления* себя в качестве высокой меры для сущего. Всякая же мера подлежит испытанию, каковым становится спор. Если эта мера не закреплена, то и обиды быть не может. К такому типу спорщика, который не закрепляет себя в качестве меры, относится Сократ; он, руководствующийся максимой «познай самого себя», не является «телохранителем собственного «я»» (В. Лехциер). Будучи человеком спора, он постоянно «ощупывает» и испытывает границы своей идентичности (себя в качестве меры вещей). В отличие от homo polemicus, защищающего это «я» во всяком тезисе, Сократ обнаруживает готовность отказаться от выигрыша в споре. В споре с самим собой обманывать и побеждать, собственно, некого. Сократ спорит в отрешенности от собственного «я» и поэтому ни на кого не обижается. Обижаются, как правило, его соперники. Homo polemicus являет перед нами экзистенциально-психологический тип уязвленной гордыни: «Судьба, мир, общество, другой не оценили меня по достоинству, и я в обиде на них!». Обиженность — это феномен уязвленной воли к власти.

Это задетое другим (оппонентом) «я» является «еще одним» слепым пятном спора. Когда спор перерастает в *поединок личностей*, ширма вопроса об истине отбрасывается прочь, как мешающие сражению доспехи. Скрытый до поры до времени мотив предельно обнажается: вопрос о победе или поражении в споре становится вопросом об утрате или признании собственной идентичности. Тут либо я (пан), либо другой (пропал). Homo polemicus идет в решающую атаку на другого, подняв над собой знамя, «на котором начертано: «Хочу быть самим собой и понимать тебя не желаю»» [3, с. 260]. Он идет до конца, как если бы истина собственного «я» была бы чем-то бесспорным. При этом другой крайне необходим ему для того, чтобы, поправ *его* претензию на бесспорность, утвердиться в собственной значимости. Защита собственного «я», понятая как сверхзадача, ради которой спорщик вовлекается в сатанинское препирательство со всеми, кто это «я» задевает, становится мощным механизмом забвения истины.

Соискателю истины нечего защищать, ибо истина не в тылу у него. Он не чувствует себя лишенцем, обделенным судьбой. Его тяжба об истине не связана с проблемой обездоленности. Она тяжба иного рода. Она ведется не за право обладания истиной, а в *самой истине* — истине как событию в бытии человека. Одним из проявлений этого борения является сомнение. Если за правду и признание воюют без тени сомнения, ибо оно помеха в этой борьбе, то к истине лишь приближаются из тени сомнения. Если правильное (бесспорное), овладевая истинным, устраняет истину, то сомнение возвращает ее на законное место.

Вопрос об истине держит нас в отрешенности, прежде всего, от самих себя. По существу он вопрос темный, запутанный, иницирующий сомнение в собственной правоте. Поэтому к нему следует подходить в состоянии «нулевого самочувствия», то есть в определенном смысле отказавшись (отрешившись) от себя и запротоколированного образа мира. Для спора, идущего в существо самой истины, исход «поединка личностей» имеет ничтожный результат. Причастный к спору, ведущемуся в *самой* истине, человек переписывает лозунг homo polemicus, утверждая: «Я себя не знаю и потакать себе не желаю». Это радикально меняет отношение к сопернику. Он становится смертельно опасным союзником. Он не по ту сторону окопа, а здесь, рядом, в той же самой упряжке, ярме тайной гармонии. Противоборство с ним приобретает характер парадоксальной слаженности и равновесия, которое Э. Хемингуэй

изобразил в своей повести «Старик и море». Это равновесие между гигантской рыбой на глубине моря и противоборствующим ей рыбаком на поверхности, органично включенным в систему: лодка – веревка – крюк. О парадоксальной гармонии противоборствующих начал красноречиво говорит фраза старика: «Рыба, я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя...» [10, с. 284].

Эта трогательная история о кубинском рыбаке, художественно пересказанная Хемингуэем, может служить прекрасной иллюстрацией того, что греки понимали под несокрытостью (*алетейей*). *Алетейя* есть спор с сокрытием, о чем говорит само значение этого слова, а скрывающим началом для греков являлась природа. Природа, согласно Гераклиту (123 DK), – это то, что «любит прятаться» [1, с. 192]. Быть явленной и сокрытой – основная черта природы. Истина природы являет себя в противоборстве с ней.

В самом названии повести «Старик и море» представлены две противоборствующие стороны, ведущие тяжбу о бытии. Старик бросает вызов судьбе, отправившись в море за рыбой. Море (метафора фюзис) скрывает эту судьбу в своих темных водах. Судьба же старика сконцентрирована на противоборстве с гигантской рыбой, которую ему в качестве добычи предстоит вырвать у моря. В этой добыче – истина его жизни, поставленная под вопрос: мощь или немощь, жизнь или смерть? Поэтому и ставка в решении этого вопроса предельно высока. Находясь в открытом океане, разговаривая с рыбами, птицами и даже с собственной онемевшей рукой, герой устанавливает судьбоносную связь с таинственной рыбой: «Ее судьба была в темной глубине океана, вдали от всяческих ловушек, приманок и людского коварства. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Теперь мы связаны друг с другом. <...> И некому помочь ни ей, ни мне» [10, с. 282].

Этот судьбоносный спор не имеет ничего общего с процессом согласования. А именно так – как согласованность суждения с сущим – истолковывает истину европейская метафизика. Согласованное суждение достоверно, а стало быть, бесспорно, но бесспорная истина – это истина, лежащая в параличе. Согласование *intellectus et rei*, осуществляемое в представлении самого человека, возводит истинное в степень *надежного* и в качестве такового – *безопасного*. Старый рыбак из повести Хемингуэя, оспаривающий у моря истину своего бытия, возводит ее в степень принципиально *негарантированного* и потому *опасного*. Истина для него есть опасная добыча, захваченная в борьбе с природой (в том числе и природой стареющего организма), ничего просто так не отдающей и потому требующей вовлечения в процесс своего раскрытия *всего человека*. При этом старик совершает то, что следовало бы назвать *экзистенциальным согласованием*, в котором состояние *Dasein* приведено в согласие (гармонию) с миром. Это согласованное существование с предельной ясностью выражено в позиции рыбака: *я люблю и уважаю тебя, рыба, но я убью тебя*.

Имея в виду экзистенциальное измерение истины, Хайдеггер писал: «Истина – это глубочайшее противоборство человеческого существа с самим сущим в целом, она не имеет ничего общего с доказательством тех или иных положений за письменным столом» [11, с. 136]. Как человеческое дело истина не налична. Это значит, что она ускользает в «темноту человеческого существа» (Хайдеггер). Событие истины по этой причине становится взаимным испытанием природы и человека, в котором равным образом совершается откровение истины и самоткровение человека.

Скрытое в глубине должно быть *выведено* из своей потаенности. Этот процесс выведения, мыслимый в слове *алетейя*, однако, не имеет ничего общего с актом прямого *захвата*. Схваченное и захваченное отнюдь еще не раскрыто. Оно и не может быть раскрыто в своей *властвующей природе* (фюзис) потому, что в захвате оно

онтологически подавлено и перестает властвовать. Сущее, оказавшееся во власти субъекта, поймавшего его в сеть категорий, становится надежно приставленным к его представлению. Оно уже не *как таковое* (on he on). В этом смысле Кант, назвавший категории «формами схватывания», проговорил суть европейского представления об истинном как о чем-то гарантированном и надежном.

Но все дело в том, что схваченная в категориях и таким образом оговоренная природа сама уже не говорит. Напомним, что исходное значение греческого слова *κατηγορία* (категория) — «обвинение», «приговор». Положение «природа не говорит» означает, что категориально схваченные вещи уже не могут существовать в своей собственной бытийной размерности. «Вещественность вещи остается потаенной, забытой. Существо вещи никогда не дает о себе знать, т. е. ему не дают слова» [12, с. 312]. Поэтому добыча, захваченная без борьбы и риска, приспособленными для этого техническими устройствами мало что может сказать о судьбе, а тем более решить судьбу ловца. Техника лишает процесс захвата самого существенного в нем — *схватки*, в которой ловец сам рискует оказаться добычей. Это хорошо понимает старый рыбак, насмерть схватившийся с рыбой. Для него тяжба с морем — это точка сгущения смысла. О рыбе как о судьбе думает старик: «А если она так останется в глубине? Тогда и я останусь с нею» [10, с. 288].

Техника захвата устанавливает онтологическое неравенство сторон. Кажется, что владычество *фюзис* отступает перед натиском человека. Однако это — видимость, создаваемая скрывающей себя природой. Напирающий и попирающий захватчик оказывается в рукотворной пустыне. Он чувствует себя Наполеоном в захваченной Москве. Отступившая, казалось бы, природа, однако, уже дает о себе знать в том, как бытийствует измельчавшая посредством техники экзистенция. Захват без схватки приучает экзистенцию к тыловой жизни. Не ставя себя под вопрос, она существует в отпадении от истины. Влечение к спору поэтому есть влечение к жизни.

Откровение истины требует отрешенности, в которой ведет свою охоту старый рыбак из повести Хемингуэя. Имея дело с сокрытым, он сам пребывает в сокрытии. Он знает, что настоящий охотник, как всякий охотник за бытием, не должен ставить себя выше своей добычи, ибо исход дела окутан завесой, не просчитан и не предрешен. Онтологическое «равенство» противоборствующих сторон заставляет соперников ждать и таиться. Бытие в сокрытии и выжидающей отрешенности есть *Dasein* воина, охотника и рыбака. Герой повести смиренно ведет добычу на поводке, который ножом врезается в его руку, словно бы подтверждая тезис Ницше: «До тех пор пока истины не врежутся нам в мясо ножом, мы втайне позволяем себе мало ценить их» [13, с. 262]. Если встреча с истиной не оставляет на нашем теле или в нашей душе зарубок, значит, она не вошла в наше бытие.

Причисляя себя к философам «неприятных истин», Ницше высказал нечто важное о природе самой истины. Истина вообще небезопасна, как небезопасна истина науки и техники. Согласно распространенному мнению об истине, она есть *согласие*. Однако при более глубоком рассмотрении обнаружится, что истина есть *разногласие*, спор. Она есть тяжба равносущностных сил. И если все же понимать ее как согласие, то как согласие внутри этой тяжбы. Поэтому неверно думать, что истина рождается в споре. Истина рождается *как* спор, который человек ведет в своем бытии о своем бытии. Спор ведется и в самом понятии истины. Это спор между греческой *ἀλήθεια* и европейской *veritas*. Если истина в первом смысле ориентирована на стихию схватки, то истина во втором смысле — на методичность победы. Сведением истины к достоверности суждения подписан односторонний акт о безоговорочной капитуляции природы. В мире нет больше тайн, есть только белые пятна. Однако эти пятна могут оказаться слепым пятном европейского самосознания.

Библиографический список

1. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И.Д. Рожанский. М.: Наука, 1989.
2. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009.
3. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. П–Р. М.: Олма-Пресс, 2001.
5. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. СПб.: Лань, 1996.
6. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
7. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6.
8. Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. Муза–Сят / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель; АСТ, 2003.
10. Хемингуэй Э. Избранные произведения. М.: Панорама, 1993.
11. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116–163.
12. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993.
13. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования / пер. с нем. Ю. Медведева; под ред. М. Ермаковой. СПб.: Владимир Даль, 2004.

*Y.A. Razinov**

TRUTH IS LIKE A FIGHT

The article considers the existential-phenomenological conception of truth, revealing it as an argument (controversy) that a person has in his being of his being. The author shows how the dispute about the truth becomes its own challenge.

Key words: truth, controversy, litigation, fight, destiny.

* *Razinov Yuriy Anatolievich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 43011, Russian Federation.